

Глава 36. Городская легенда

Утром Линь Сынянь, проснувшись, сонно потянулся рукой к соседней половине кровати, но нащупал пустоту. Место, где должен был спать Фэйфэй, было пустым, лишь небольшое углубление в одеяле напоминало о том, что здесь кто-то лежал.

Линь Сынянь не стал торопиться. Полежав ещё немного, чтобы окончательно проснуться, он встал, надел тапочки и подошёл к окну.

Окно его комнаты выходило как раз на лужайку, где обычно занимался утренней зарядкой Линь Гошэн. И, конечно же, он увидел там троих взрослых и одного малыша, увлечённых утренней гимнастикой.

Раньше утренняя зарядка Линь Гошэна проходила в одиночестве, но теперь его команда постепенно росла. Линь Госюн, как старший из трёх братьев, был и самым крепким. После того как за обеденным столом он обмолвился парой слов, на следующий же день он возобновил свои ежедневные тренировки, заодно прихватив с собой и Линь Гохуна.

Что касается Фэйфэя, то если малыш просыпался рано, он бежал к дедушкам, а если нет — его оставляли спать. Никаких строгих правил для него не было.

Однако, когда Фэйфэй появлялся на лужайке, движения трёх стариков становились более энергичными, а в воздухе повисало... скрытое соперничество.

— Фэйфэй, посмотри на этот приём! — крикнул Линь Госюн, привлекая внимание малыша. Когда Фэйфэй перевёл взгляд на него, Линь Госюн начал демонстрировать серию ударов, которые для знатока выглядели как смертоносные атаки, направленные на уязвимые точки противника. Этот стиль, казалось, был создан специально для боя.

Фэйфэй, конечно, таких тонкостей не понимал. Но когда Линь Госюн последним ударом расколол каменную плиту на лужайке, он захлопал в ладоши так, что они покраснели, а его личико покраснелось от восторга. Он был поражён и восхищён своим старшим дедушкой.

Если такой удар придётся по человеку, тот если не умрёт, то получит внутреннее кровотечение. Становилось ясно, что слова Линь Госюна о том, что он больше не может бить Линь Гошэна и Линь Гохуна, боясь не рассчитать силу и покалечить их, были правдой.

— Старший дедушка такой сильный! — малыш присел на корточки рядом с плитой, потрогал её и убедился, что она твёрдая. Рука старшего дедушки была твёрже камня!

Увидев это, Линь Гохун неодобрительно нахмурился.

— Брат, зачем ты показываешь это Фэйфэю? Дети всё повторяют, что если он тоже начнёт бить

по камням?

Если эта нежная ручка ударит по камню, у них же сердца разорвутся от боли!

Линь Госюн, выпрямившись, замер. Кажется, он об этом не подумал. Увидев, как малыш всё ещё сидит у камня и примеряет к нему свою ручку, Линь Госюн почувствовал себя немного виноватым.

Линь Гошэн тут же встал на сторону Линь Гохуна, и два младших брата вместе набросились на старшего.

— Брат, если Фэйфэй и вправду научится этому приёму, то, плохо освоив его, может навредить и себе, и другим, — сказал Линь Гошэн.

Он прекрасно знал, откуда у его брата этот стиль. В те времена в стране М было неспокойно, к тому же он владел охранной компанией. Этот стиль Линь Госюн разработал сам, в реальных боях, отточив каждое движение до смертоносного совершенства.

Но для Фэйфэя достаточно было просто укрепить здоровье. До того момента, когда ему понадобится такой стиль для самозащиты, они, три старика, а также Линь Сынянь и Линь Цзинли, скорее всего, уже давно умрут.

— Я просто... не подумал, — смущённо произнёс Линь Госюн.

Линь Гохун чуть ли не закатил глаза. Он подошёл, схватил руку Линь Госюна и громко воскликнул:

— Старший, что с твоей рукой? Болит? Врача позвать? Может, перелом?

Сказав это, он подмигнул Линь Госюну и Линь Гошэну. Остальные двое тут же всё поняли. Линь Госюн похолодел и мгновенно покрылся холодным потом. Его рука напруглась.

— Не трогай! Больно!

Подумать только, такой нестигаемый человек, как Линь Госюн, впервые в жизни с тех пор, как начал заниматься боевыми искусствами, пожаловался на боль, и то — в такой ситуации.

— Сядь, скорее, помогите ему сесть, — с тревогой в голосе сказал Линь Гошэн. — Старший, ну что мне с тобой делать? Разве можно рукой бить по камню? Завтра рука распухнет и посинеет!

— Старший дедушка... — Фэйфэй, увидев, как Линь Госюна, покрытого холодным потом,

усаживают Линь Гошэн и Линь Гохун, с беспокойством подбежал к нему. — Что со старшим дедушкой?

На лице Линь Гошэна отразилась неподдельная досада. Он покачал головой и сказал малышу:

— Твой старший дедушка ударил по камню и повредил руку. Теперь болит.

Фэйфэй, услышав это, встал на цыпочки, чтобы посмотреть на руку Линь Госюна. Линь Гохун поднял его на руки и, указывая на руку брата, сказал:

— Смотри, это внутренняя травма. Снаружи ничего не видно, но внутри кости могли треснуть. Как та плита.

Малыш от страха обнял третьего дедушку за шею, его глаза наполнились слезами от жалости к старшему дедушке.

— У-у, старшему дедушке больно...

Линь Гошэн, увидев, что они, кажется, переиграли и напугали малыша, тут же толкнул Линь Госюна.

Линь Госюн встряхнул рукой и со страдальческим выражением лица успокоил малыша:

— У дедушки кости не треснули, просто немного болит. Наверное, в ближайшие дни будет неудобно брать вещи. Фэйфэй сможет помочь дедушке?

— Угу, угу, — сквозь слёзы ответил Фэйфэй.

Трое мужчин вместе с малышом на руках направились в дом. По дороге Фэйфэй слышал, как дедушка говорит старшему дедушке:

— В следующий раз не смей больше бить камни. Разве рука может быть твёрже камня? Сам же потом будешь мучиться.

— Ш-ш-ш, — старший дедушка шипел от боли и соглашался с дедушкой. — Да, да, в следующий раз точно не буду рукой бить камни, очень больно!

Этот преувеличенный тон заставил Фэйфэя, обнимавшего шею третьего дедушки, съёжиться.

Старшему дедушке очень больно. Впредь Фэйфэй будет следить за ним, чтобы он больше не бил камни. И сам пробовать не будет.

Линь Гохун похлопал малыша по попе.

— Фэйфэй, запомни, тоже нельзя рукой бить камни.

— Нет, нет, Фэйфэй не будет бить камни, от этого ручка болит, — быстро замотал головой малыш.

Услышав это, трое стариков вздохнули с облегчением. Спектакль был не зря, успели исправить ситуацию.

Линь Госюн вытер пот со лба и подумал: «Похоже, впредь нужно быть осторожнее. От многолетней профессиональной привычки так просто не избавишься».

Войдя в гостиную, они увидели спускающегося с лестницы Линь Сыняня. Линь Гошэн недовольно сказал:

— Отец встанет позже ребёнка. Мы с Фэйфэем уже целую тренировку провели, а ты только проснулся. Ты что, самый последний во всём доме? Впредь будешь с нами утренней зарядкой заниматься!

Линь Сынянь взял Фэйфэя из рук Линь Гохуна, сел за стол, начал кормить малыша и, безразлично кивнув, ответил:

— Хорошо, я как раз свой биологический ритм наладил.

За несколько лет в шоу-бизнесе его режим дня был совершенно сбит. Он то и дело ложился и вставал в разное время. Отчасти поэтому он и съехал из старого дома — не хотел будить всех среди ночи своим возвращением или уходом.

Все сели завтракать.

Во время еды Фэйфэй несколько раз с беспокойством посмотрел на старшего дедушку, боясь, что тот не сможет есть из-за больной руки.

— Фэйфэй, не волнуйся, у дедушки есть ещё одна рука, — сказал Линь Госюн, взяв кусок хлеба и начав есть.

Только тогда Фэйфэй успокоился.

***

Пока семья Линь завтракала, Ли Сюй в офисе «Звёздных развлечений» провёл бессонную ночь.

Дело Лань Синцзэ наконец-то подходило к концу. Фанатка, которая самовольно проникла в его дом, пытаясь повторить самоубийство Линь Сыняня, вчера предстала перед судом Трибунала.

Поскольку её намерением было не убийство Лань Синцзэ, а самоубийство, и хотя она стала последней каплей, подтолкнувшей его к смерти, её не могли судить за умышленное убийство. Только за умышленное причинение вреда.

Но из-за тяжёлых последствий её приговорили к девяти годам тюремного заключения по всей строгости закона.

Эта фанатка, девушка чуть старше двадцати, и её родители бесчисленное количество раз извинялись перед публикой и фанатами, умоляя о прощении. Услышав о смерти Лань Синцзэ, девушка рыдала и несколько раз пыталась покончить с собой в следственном изоляторе.

Но что значат девять лет заключения? В стране С, как и во всём мире, это означало, что эти девять лет ты обязан прожить. Будешь резать вены — свяжут руки и ноги, объявишь голодовку — будут кормить насильно через трубку, сойдёшь с ума — отправят в одиночную камеру и предоставят психолога. Одним словом, в эти девять лет у тебя нет права на самоубийство. Даже думать об этом запрещено.

Кажется, испугавшись такой жизни, сумасшедшая фанатка наконец раскаялась. Она начала плакать и умолять родителей спасти её, говоря, что она сожалеет, искренне сожалеет.

Но какой толк от сожалений? Тот, кто имел право её простить, уже покинул этот мир.

В момент оглашения приговора фанаты Лань Синцзэ кто-то стискивал зубы от злости, кто-то рыдал, кто-то просто стоял с покрасневшими глазами.

В то же время сотрудники компании «Звёздные развлечения» не спали всю ночь. Они должны были контролировать общественное мнение в сети и успокаивать фанатов Лань Синцзэ, чтобы те в гневе не натворили глупостей.

К утру эмоции фанатов наконец улеглись, и отложенная прощальная церемония была назначена на сегодня.

Поэтому и сегодня в компании должен был кто-то оставаться. Все десять тысяч шагов пройдены, нельзя споткнуться на последнем.

— Директор Се примет участие в прощальной церемонии, он уже в пути. Уходя, он попросил вас, начальник, присмотреть за всем здесь, — сказал помощник.

На работе к Ли Сюю обращались либо «начальник», либо «менеджер Ли». В данной ситуации, конечно, он был начальником.

С тех пор как Линь Сынянь изменил свой контракт с компанией и практически ушёл на покой, должность менеджера у Ли Сюя стала формальной.

Проведя бессонную ночь, Ли Сюй с красными от недосыпа глазами кивнул.

— Понял. Я пойду посплю немного в комнате отдыха, если что — зовите.

— Кстати, — добавил Ли Сюй своему помощнику, — ты знаешь пароль от моей квартиры. Съезди ко мне и возьми две банки конфет из ящика под телевизором. Купи красивую упаковку, раздели конфеты на пять частей и оставь на ресепшене. Если кто-то придёт забирать, отдавай по одной.

Неизвестно, то ли из-за дня рождения Фэйфэя, но его давно забытое кулинарное мастерство вдруг кто-то заметил. С того дня ему позвонили не меньше четырёх-пяти раз, и все хотели купить у него десерты.

Ли Сюй даже подумал, что он уже переквалифицировался в кондитера.

Он не боялся давления, у него самого была небедная семья, просто их корни были в городе S, и с людьми из города С они почти не пересекались.

Но те, кто звонил, были на удивление вежливы и уважительны.

Подумав, что все они были на дне рождения у Линей, а их дети хорошо играли с Фэйфэем, Ли Сюй решил не отказывать. Как говорится, не смотри на монаха, смотри на Будду. Это мелочь. Он согласился, сказав, что раз уж они друзья Фэйфэя, то о каких деньгах может идти речь, он просто подарит им немного.

Но у него было мало времени, и он не мог каждый день готовить.

На том конце провода, естественно, согласились.

Сегодня Ли Сюй, закончив дела, вспомнил об этом. Но он устал и не хотел специально ехать, поэтому поручил это помощнику.

Сказав это, он вошёл в комнату отдыха, примыкающую к его кабинету. На кровати лежали его подушка и одеяло, которые он часто использовал, оставаясь в компании.

Раньше, будучи трудоголиком, он часто ночевал на работе.

— Хорошо, я сейчас же поеду, — тут же кивнул помощник и, развернувшись, вышел из кабинета.

Приехав к Ли Сюю домой, помощник, как и было велено, начал искать в ящике две банки с конфетами. Но в ящике их оказалось четыре. Две из них были поменьше, в более изящной упаковке и уже открыты.

Увидев, что конфеты в банках одинаковые, помощник, подумав, взял две большие.

Большие, очевидно, были новые, а маленькие, возможно, начальник уже ел.

Затем, по указанию Ли Сюя, он высыпал конфеты из обеих банок и, купив красивые коробки, начал их расфасовывать. Но, раскладывая коробки, он нечаянно опрокинул и две маленькие банки. Четыре вида конфет перемешались. Все они, кроме цвета, выглядели одинаково, и отличить их было невозможно.

В итоге помощнику пришлось заново наполнять коробки и две маленькие банки.

Закончив, он отвёз упакованные коробки обратно в компанию и оставил их на ресепшене.

Когда он вернулся на ресепшен после обеда, ему сказали, что всё уже забрали.

— Кстати, те люди оставили свои визитки. Сказали, что знают, что начальник сейчас занят, и не будут его беспокоить, просили передать их благодарность, — сказала девушка на ресепшене, протягивая ему несколько визиток.

— Понял, я передам начальнику, — помощник взял визитки и поднялся на лифте.

Сегодняшний день прошёл на удивление гладко, фанаты не устраивали беспорядков. Ли Сюй проспал в комнате отдыха до самого конца рабочего дня.

Проснувшись, Ли Сюй потянулся и пошёл умыться. Посмотрев на часы, он накинул пиджак на руку и решил: пора домой!

Сегодня можно съездить к Линям, давно он не ужинал с малышом.

Приехав в дом Линеи, Ли Сюй, как свой, сел напротив Фэйфэя и с улыбкой сказал Ян Юйин:

— Простите, тётушка, я сегодня снова к вам на ужин.

— Ха-ха, раз уж ты называешь меня тётушкой, разве я могу отказать тебе в ужине? — пошутила Ян Юйин.

Ли Сюй кивнул.

— У тётушки просто золотые руки. Мне обязательно нужно будет как-нибудь приехать специально, чтобы поучиться у вас.

Ян Юйин больше всего любила, когда хвалили её кулинарные способности. Услышав слова Ли Сюя, она тут же обрадовалась и положила ему в тарелку ещё одну порцию риса.

После ужина Линь Цзинли, казалось, хотел что-то сказать. Он обратился к Линь Ханю:

— Поиграй с Фэйфэем.

Линь Хань отложил палочки, кивнул и, подхватив малыша на плечи, ушёл. Уходя, можно было слышать, как малыш смеётся и испуганно лепечет:

— Братик, высоко!

— Не бойся, я тебя держу. Можешь держаться за мои волосы.

Линь Хань унёс Фэйфэя в маленький парк аттракционов позади дома.

Когда они ушли, Линь Цзинли наконец сказал:

— Сегодня ко мне в компанию приходили люди из семьи Чжан. И снова спрашивали, кто делал торт и конфеты на день рождения Фэйфэя.

Странное явление: те семьи, которые приходили с детьми, спрашивали о торте и конфетах, а те, кто был без детей, намёками выясняли, когда семья Линь планирует устроить следующий банкет.

Сказав это, Линь Цзинли подошёл к антикварному шкафу, открыл стеклянную банку, взял несколько конфет и раздал всем по одной.

— Попробуйте.

Это были конфеты, которые Ли Сюй сделал для Фэйфэя. Кроме самого Фэйфэя, никто из семьи Линь их не ел. Разве что когда Фэйфэй сам их угощал.

По гостинной разнёсся сладкий аромат конфет.

Съев, Линь Цзинли спросил:

— Ну как?

— Нормально, — сказал Линь Сынянь. — Но те, что даёт Фэйфэй, вкуснее. — Он уже догадывался, к чему клонит Линь Цзинли.

На лице Линь Гошэна тоже промелькнуло понимание.

Остальные тоже выглядели не совсем удивлёнными.

Для родителей, любящих своих детей, ни одно, даже самое незначительное изменение в ребёнке не останется незамеченным.

Если бы они ничего не поняли, то были бы действительно плохими родителями.

— Мне тоже звонили на днях, — сказал Ли Сюй, которого семья Линь не считала чужим. — Кажется, они что-то неправильно поняли.

Ли Сюй потёр лоб. Он думал, что... что его, должно быть, приняли за какого-то непревзойдённого, гениального кондитера, который, подобно отшельнику, скрывается от мира.

Ли Сюй был первым, кто познакомился с Фэйфэем. Ещё до того, как Линь Сынянь переехал обратно в старый дом, он помогал заботиться о малыше.

Малыш, казалось, обладал даром располагать к себе людей. Даже когда ешь то, что он даёт, чувствуешь радость.

Наверное, это и есть талант. Та высшая ступень мастерства, о которой говорят кондитеры, наверное, доступна только тем, кто обладает способностью дарить радость.

Подняв голову, он увидел, что все взгляды устремлены на него. Шесть человек, двенадцать глаз. Ли Сюй глубоко вздохнул, а затем выдохнул.

Он поправил воротник и с серьёзным выражением лица произнёс:

— С завтрашнего дня в городе С появится городская легенда. И я... стану этой легендой.

> Легенда гласит, что в столичном городе С живёт супер-кондитер, чьи руки подобны рукам бога. Десерты, созданные им, могут дарить людям счастье.

>

> Но, к несчастью, несколько лет назад руки этого кондитера получили необратимую травму. Лишь с вероятностью один к тысяче он может создать такой десерт. Не в силах вынести этот удар, кондитер на пике своей карьеры покинул профессию и стал менеджером.

>

> За его беззаботной и обаятельной улыбкой скрывается сердечная рана, к которой нельзя прикасаться.

>

> Не упоминайте при нём десерты, иначе вы разозлите его. А десерты, созданные в гневе, — это просто мусор, не способный принести радость.

<http://bllate.org/book/13654/1589045>